

Проф. П. Н. Берков

ПУШКИН И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

I. Посещения Пушкиным Университета

«Ломоносов был великий человек, — писал Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург», — между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Статья, условно обозначаемая издателями, «Путешествие из Москвы в Петербург», писалась Пушкиным в 1833—1835 гг. Как раз около этого времени великий поэт посетил Московский и Петербургский университеты, и можно не сомневаться, что, говоря о Ломоносове как первом нашем университете, Пушкин в это понятие вносил впечатления, полученные при посещении двух крупнейших русских высших учебных заведений.

27 сентября 1832 г. Пушкин присутствовал в Московском университете на лекциях профессоров И. И. Давыдова и М. Т. Каченовского. Позднее И. А. Гончаров, бывший в то время слушателем словесного отделения философского факультета, в статье «Из студенческих воспоминаний» передал некоторые подробности этого посещения Пушкиным Московского университета.¹ Кроме этого посещения, в Московском университете Пушкин не бывал ни разу.

Чаще, по свидетельствам современников, посещал Пушкин Петербургский университет. Широко известно, что в октябре 1834 г. Пушкин, вместе с Жуковским, прослушал лекцию Гоголя, преподававшего в то время в Петербургском университете историю средних веков; гораздо меньше отмечается, что поэт был также на лекции своего приятеля, профессора русской литературы П. А. Плетнева.

Если доверять мемуаристам, то окажется, что посещений Пушкиным Петербургского университета было больше, чем два.

Через несколько лет после смерти Гоголя, проф. В. В. Григорьев, касаясь первой лекции автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», писал так: «Весь университет восхищался «Вечерами на хуторе» и с любопытством ожидал появления на кафедре пасечника Рудого Панька. На первую лекцию навалили к нему в аудиторию все факультеты. Из посторонних посетителей явились и Пушкин и, кажется, Жуковский. Сконфузился наш пасечник, читал плохо и произвел весьма невыгодный

¹ Вестник Европы, 1887, апрель, стр. 502.

для себя эффект. Этого впечатления не поправил он и на следующих лекциях. . .»¹

Таким образом, согласно воспоминаниям Григорьева, первое посещение Пушкиным Петербургского университета состоялось в день первой лекции Гоголя. Эти сведения, выраженные с большой степенью определенности («Из посторонних посетителей явились и Пушкин и, *кажется*, Жуковский»), не могут, однако, быть полностью приняты на веру и прежде всего потому, что В. В. Григорьев едва ли мог быть свидетелем сообщенного им факта: он окончил университет в 1834 г., а первые лекции Гоголя состоялись в сентябре того же года, в то время, когда Григорьев, по его собственным словам, «принят был в конце того же года в Институт восточных языков для приготовления к дальнейшей службе по дипломатической части».²

Показание проф. Григорьева не может рассматриваться как свидетельство очевидца и представляет, повидимому, рассказ с чьих-то слов. Этим и объясняется то, что ни одним из остальных мемуаристов, сообщавших о лекции Гоголя, прочтенной в присутствии Пушкина, не подтверждается то, что посещение поэтом университета состоялось во время первой лекции Гоголя, то есть в сентябре 1834 г.

Иначе освещают этот факт воспоминания действительного слушателя Гоголя, Н. И. Иваницкого, находившегося тогда на втором курсе. Иваницкий, поступивший в университет 5 сентября 1833 г., подробно описывая первую лекцию Гоголя в сентябре 1834 г., не подтверждает сообщения В. В. Григорьева о том, что на открытии курса Гоголя было много народа и в том числе и Пушкин.

Что же касается лекции Гоголя, которую посетили Пушкин и Жуковский, то о ней Иваницкий, рассказав, о том, как падал интерес к курсу, читавшемуся Гоголем, писал следующее: «Мы совершенно, наконец, охладели к Гоголю, и аудитория его все больше и больше вустела. Но вот однажды — это было в октябре, — ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уже знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь. Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы, вслед за тремя поэтами, вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь взошел на кафедру и, как говорится, ни с того, ни с другого, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в «Арабесах». Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию и потому приготовлялся угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только: «увлекательно!» Все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны. . .»³

Существует еще одно свидетельство о посещении Пушкиным лекции Гоголя. Оно принадлежит С. И. Барановскому, также поступив-

¹ В. В. Григорьев. Т. Н. Грановский и его профессорство в Москве, Русская беседа, 1856, т. III, Смесь, стр. 24—25.

² В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет за первые пятьдесят лет его существования, СПб., 1869, стр. 379.

³ Н. И. Иваницкий. Выправка некоторых биографических известий о Гоголе. Отечественные записки, 1853, февраль, отд. VIII, стр. 120—121; он же, Автобиография, Шукшинский сборник, М., 1909, вып. VIII, стр. 374; Н. М. Колмаков. Очерки и воспоминания 1816 года, «Русская старина», 1891, № 5, стр. 460.

шему в Петербургский университет в 1833 г.; в письме к Я. К. Гроту он излагал дело так: «Присутствуя на Пушкинском торжестве в Москве, живо вспоминаю тот случай, когда мне довелось видеть знаменитого Александра Сергеевича. Это было на одной из лекций Гоголя, который недолгое время был профессором Всеобщей истории во втором курсе С.-Петербургского университета... О его профессорстве слышны были спорные мнения, и как бы для того, чтоб их проверить, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин решили неожиданно побывать на его лекции. Зная день и час, они оба вместе пришли послушать лекцию Н. В. Гоголя. Что их посещение было совершенно неожиданно для нашего профессора, ясно выразилось в том, что обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами студентами прождать с полчаса времени: лекции в то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находил это время слишком долгим, утомительным и только на своей первой лекции проговорил во все положенное время; потом он сокращал продолжительность своих лекций, и для того, чтоб не прерывать лекций слишком рано, он обыкновенно опаздывал приходом на полчаса, иногда и на три четверти часа. Таким образом Жуковский и Пушкин провели несколько времени в беседе со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав норманских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии, грозных на морях и Черном и Каспийском, на берегах и Франции, и Англии».¹

Как видно, данные Иваницкого и Барановского совпадают почти полностью, за исключением двух пунктов: содержания лекции (по Иваницкому — история аравитян,² по Барановскому — характеристика норманских витязей) и степени подготовленности Гоголя к этой лекции.

Кроме воспоминаний непосредственных слушателей Гоголя, сведения о чтении им лекций и о посещении этих лекций Пушкиным мы находим в одной из статей В. П. Гаевского, посвященной университетской деятельности автора «Мертвых душ». «Какого мнения о своих лекциях был сам Гоголь, — писал Гаевский, — не знаем, но вот факт, доказывающий, что он не слишком доверял себе в этом отношении. Говорят, что Гоголь просил Пушкина и Жуковского приехать как-нибудь к нему на лекцию. Оба поэта, очень долго собиравшиеся воспользоваться приглашением, явились в университет. Поэты нашли полную аудиторию студентов, но Гоголя еще не было; они решили его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не явился».³

Из приведенной цитаты явствует, что Гаевский, как и В. В. Григорьев, передает факт известной ему не непосредственно, а из вторых или третьих рук. Между тем В. И. Шенрок, автор «Материалов для биографии Гоголя», приведя сведения В. П. Гаевского, писал: «Следовательно, Жуковский и Пушкин дважды приезжали в университет для слушания Гоголя».⁴

Можно, однако, усумниться в правильности предположения В. И.

¹ Из писем к Я. К. Гроту. — Русский архив, 1906, т. II, стр. 278; ср. «Гоголь-профессор» (Из неопубл. записок А. С. Андреева) — «Сегодня», 1927, № 1, стр. 164.

² Повторяет это указание Н. И. Иваницкий в «Автобиографии», Шукинский сборник. М., 1909, вып. VIII, стр. 248.

³ В. П. Гаевский. Заметки для биографии Гоголя. «Современник», 1852, № 10, Смесь, стр. 145. Насколько не отвечают действительности сведения Гаевского о пропуске Гоголем лекции, можно видеть по материалам, приведенным в статье Н. И. Мордовченко «Гоголь в Петербургском университете» (Ученые записки ЛГУ, 1939, № 46, стр. 358—359).

⁴ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, М., 1893, ч. II, стр. 383.

Шенрока. Как ни противоречивы материалы Григорьева, Иваницкого, Барановского и Гаевского, несомненно все же, что речь идет об одном только посещении Пушкиным и Жуковским лекции Гоголя. Повидимому, наиболее близкими к действительности являются версии Н. И. Иваницкого и С. И. Барановского, о которых достоверно известно, что они были студентами Петербургского университета в 1834 г.: прошения их о принятии в число студентов, датированные в 1833 г., находятся в архиве Ленинградского университета. Странно только, что фамилии их отсутствуют в списке окончивших Петербургский университет в книге В. В. Григорьева.

Таким образом можно считать, что на лекции Гоголя Пушкин был только один раз и не ранее октября 1834 г.¹

Второе посещение Пушкиным нашего университета относится к концу 1836 или самому началу 1837 г. Сведения об этом эпизоде мы находим в «Воспоминаниях из дальних лет» Е. М-на, помещенные в «Русской старине» (1881).

«Особый эпизод в студенческой нашей жизни, — пишет мемуарист, — было посещение Пушкина, приглашенного профессором Плетневым на одну из его очаровательных лекций. Помнится, в каком воодушевленном состоянии поднялся Плетнев на кафедру, и как в то же время в дверях аудитории показалась фигура любимого поэта с его курчавой головой, огненными глазами и желтоватым нервным ликом, — шопот пробежал по всем скамейкам собравшейся в непомерном числе молодежи; Пушкин сел с каким-то другим господином из литераторов на одну из задних скамей и внимательно прослушал лекцию, не обращая внимание на беспрестанное осматривание его обращенными назад взорами сидевших впереди его студентов, для которых лекция эта очевидно пропала и с напряженным вниманием выслушано было только одно место, где даровитый профессор, читавший о древней русской литературе, вскользь упомянул о будущности ее и при сем имя Пушкина прошло через уста его; возбуждение было сильное и едва не перешло в шумное приветствие знаменитого гостя. Это было уже в конце урочного часа, и Пушкин, как бы предчувствуя, что молодежь не удержится от взрыва, скромно удалился из аудитории, ожидая окончания лекции в общей проходной зале, куда и вскоре вышел к нему Плетнев, и они вместе уехали. Это было незадолго до смерти Пушкина...»²

Криptonим «Е. М-н» принадлежал Е. А. Матисену,³ лицу совершенно неизвестному, о котором никаких сведений не сохранил и архив Ленинградского университета. Между тем его «Воспоминания из дальних лет с 1824 года» представляют существенный интерес, и нам еще придется в настоящей статье вернуться к ним.

II. Петербургский университет и похороны Пушкина

Сведения о дуэли Пушкина быстро распространились по Петербургу. Упомянувшийся выше Е. А. Матисен утверждал даже, что ему

¹ Н. О. Лернер не уточняет время посещения Пушкиным Петербургского университета и относит этот эпизод к октябрю 1834 г. («Груды и дни Пушкина», изд. 2, стр. 321). Л. Б. Модзалевский, не приводя доказательств, счел возможным отнести посещение Пушкиным лекции Гоголя ко второй половине 1834 г. Л. Б. Модзалевский. Главнейшие хронологические даты жизни и творчества Пушкина в 1834 году — в книге: «Пушкин 1834 год», Л., 1934, стр. 150.

² Е. М-н. Воспоминания из дальних лет с 1824 г. «Русская старина», 1861, стр. 158.

³ И. Ф. Масанов. Словарь русских псевдонимов, М., 1936, т. I, стр. 465; С. Р. Минцлов. Обзор записок и т. д. Новгород, 1912, вып. II и III, стр. 68; С. А. Венгерова. Критико-биографический словарь, изд. 2, Пгр., 1918, т. II, стр. 92.

пришлось услышать об этом в тот же день¹ во время похорон студента Н. Греча, сына известного Н. И. Греча. По словам Матисена, похоронная процессия двинулась по Невскому проспекту в пятом часу, и «уже близь Волкова кладбища... вдруг в среде толпы разнесся шопотом проносимый слух, что Пушкин ранен на дуэли; все встревожились: знавшие поэта лично, в том числе и Греч, засуетились, и кто-то из них, перекрестившись к гробу, удалился от похорон, чтобы ехать к Певческому мосту узнать о том, правда ли и какие подробности».²

Если предположить, что процессия, вышедшая из дома Греча (ныне Мойка, 92) в пятом часу, приблизилась к Волкову кладбищу через час-полтора, тогда выходит, что сведения о дуэли Пушкина проникли в публику чуть ли не через час после того, как поэт стрелялся. А это едва ли так, и следовательно Матисену память изменила.

Гораздо больше заслуживает доверия дальнейшие его воспоминания: «Только на другой день (т. е. 28 января), по пришествии в университет, подтвердилось известие о дуэли, с добавлением уже, что Пушкин ранен смертельно в живот, что пуля не вынута и что он остаться в живых не может. Роковая весть о кончине пришла на другой же день, при окончании лекций, в 4-м часу. Многие студенты сговорились итти вместе на похороны Пушкина».³

Между тем у министра народного просвещения, С. С. Уварова, старого недруга Пушкина, возникли страхи, что в связи с похоронами поэта, студенты могут организовать демонстрацию, и поэтому им было послано в университет распоряжение, запрещающее участие профессоров и студентов в похоронах.

Проф. А. В. Никитенко записал в своем дневнике 1 февраля 1837 г.: «В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр, и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему. Попечитель мне сказал, что студентам лучше не быть на похоронах, они могли бы собраться в корпорации, нести гроб Пушкина, и могли бы «пересолить», как он выразился».⁴

Несмотря на столь строгое предписание, студенты все же отправились на похороны поэта. Сведения об этом сохранил тот же Е. А. Матисен. Он писал, что студенты не знали, откуда будет похороны, и только из официальных печатных приглашений им стало известно, что отпевание будет в Конюшенной церкви, тогда как раньше предполагали, что тело будут выносить из Адмиралтейской церкви. «Толпами мы бросились сперва к Адмиралтейской, потом к Конюшенной площади, но здесь трудно было протолкаться через полицию, и только некоторые, счастливы получили доступ в церковь; в числе их меня не было, и я оставался с другими на площади и был очевидцем того, как на вопрос проходящего, кого хоронят, жандарм ничего не ответил, будочник, — что не может знать, а кварталный надзиратель: камер-юнкера Пушкина!

¹ В «Автобиографии» Н. И. Иваницкого говорится, что Н. И. Греча хоронили 28 января 1837 г. (Пушкин и его современники, вып. XIII, стр. 31; Русский архив, 1909, № 10, стр. 135.)

² «Русская старина», 1881, май, стр. 159.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Записки и дневник, изд. 2-е СПб., 1905, т. I, стр. 285.

Этот камер-юнкер засел мне глубоко в памяти и повторился в приказе о противнике поэта на кровавой площадке за Черную речкою, бароне Гекерне-Дантесе, о котором напечатано было в газетах, что он за убийство на дуэли камер-юнкера Пушкина разжалован в рядовые. Долго ждали мы окончания церковной службы; наконец на паперти начали появляться выходящие из церкви лица в полной мундирной форме; военных было не много, но большое число придворных, вероятно по случаю того же камер-юнкерства; в черных фраках были только лакеи, следовавшие перед гробом, красным с золотым позументом, регалий и воспоминаний из жизни поэта никаких; не помню, лежала ли на гробе камер-юнкерская шляпа, но помню, что гроб вынесен был на улицу посреди пестрой толпы мундиров и салопов, что мало соответствовало тому чувству, которое в этот момент наполняло наши юношеские души. При том все это мелькнуло перед нами только на один миг. С улицы гроб тотчас же внесен был в расположенные рядом с церковью ворота в Конюшенный двор, где находился заупокойный подвал, для принятия тела до его отправления в Псковскую губернию, на кладбище Святогорского монастыря. Живо помню, как взоры наши следили в глубину ворот за гробом, пока он не исчез — вот все, чем ознаменовалось участие молодежи в погребении русской гражданской славы!»¹

Должно быть, некоторую часть студентов университетскому начальству удалось все-таки удержать на лекциях. По крайней мере А. В. Никитенко, присутствовавший на отпевании поэта в Конюшенной церкви, в той же дневниковой записи от 1 февраля 1837 г. писал: «Церемония кончилась в половине первого. Я поехал на лекцию. Но, вместо очередной лекции, я читал студентам о заслугах Пушкина. Будь что будет!»²

Если принять во внимание, какие строгости были предприняты правительством Николая I и в особенности министром народного просвещения Уваровым для подавления общественного негодования по поводу убийства поэта, поступок обычно столь осторожного Никитенко приобретает особенное значение.

К сожалению, ни в мемуарной литературе, ни в официальных документах нет подтверждения этого факта, хотя трудно допустить, что лекция эта не вызвала нареканий со стороны начальства, крайне недоброжелательно относившегося к памяти великого поэта.

Не сохранилось также сведений, что именно говорил Никитенко в своей лекции о Пушкине. Жаль! Это была первая лекция о Пушкине в русском университете.

III. Пушкин в учебной жизни Петербургского университета в дореволюционное время

Введенное в 1835 г. преподавание в университете истории русской литературы не коснулось литературы XIX в. Только в 90-х годах прошлого столетия профессор Петербургского университета А. И. Незеленов и Московского А. И. Кирпичников начали включать в свои общие курсы истории русской литературы материалы по литературе XIX в., встречая при этом большое неодобрение со стороны «жрецов чистой науки»; последние считали, что настоящей историей литературы является та, которая изучает русскую литературу древнего периода. Характерно, что пер-

¹ «Русская старина», 1881, май, стр. 160.

² Записки и дневник, т. I, стр. 285.

вые печатные курсы даже по истории русской литературы XVIII в. появляются только после 1910 г. Печатных же университетских учебников по литературе XIX в. в дореволюционное время не было вовсе.

Впрочем, в качестве первого опыта университетского учебника по русской литературе XIX в. можно указать «Сжатый обзор истории новой русской литературы» профессора Дерптского (ныне Тартуского) университета П. А. Висковатова (Дерпт, 1892). Пушкину здесь уделено очень немного места (стр. 32—40), значительная часть которого занята библиографическими примечаниями.

Этот же П. А. Висковатов был первым лицом, прочитавшим на правах приват-доцента в Петербургском университете специальный курс о Пушкине и его эпохе.¹ Это было в 1895 г.² До Висковатова подобный курс читал профессор, позднее академик, И. Н. Жданов в Петербургском историко-филологическом институте, начиная с 1890—1891 учебного года. Существуют литографированные курсы этих лекций.³ В 1898—1899 г. И. Н. Жданов читал этот специальный курс в Петербургском университете под названием «Обозрение литературной деятельности А. С. Пушкина».⁴

Лишь после курсов И. Н. Жданова и П. А. Висковатова стали другие университеты вводить у себя специальные курсы по Пушкину. Так, в 1895—1896 г. проф. Е. Ф. Будде объявил «специальный курс русской литературы: Пушкин» в Казанском университете,⁵ а в 1898—1899 г. приват-доцент А. М. Лобода читал курс «Пушкин. Характер его деятельности и значение последней в истории русской литературы» в Киевском университете.⁶

В Московском университете специальный курс о Пушкине был прочтен впервые проф. А. И. Кирпичниковым тоже в 1898—1899 г.⁷

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что освещение поэтической деятельности Пушкина в общенациональной перспективе стало возможным и приобрело устойчивый характер только на рубеже XIX и XX вв. Эти же данные позволяют установить приоритет нашего университета в постановке научно-педагогического изучения наследия Пушкина в высших учебных заведениях.

В нашем же университете впервые введены были специальные семинары по изучению Пушкина. Попутно следует отметить, что семинарские занятия по истории новой русской литературы также были впервые введены в нашем университете во второй половине 90-х годов прошлого века, когда приват-доцент А. К. Бороздин стал преподавать на

¹ Обзорение преподавания наук в С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1895/1896 г., СПб., 1895, стр. 24 (Приват-доцент П. А. Висковатов. История русской литературы: писатели Пушкинского периода, 2 часа в неделю).

² Аналогичный курс был повторен Висковатовым в 1896—1897 гг., см. Обзорение преподавания наук в С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1896/1897 г., СПб., 1896, стр. 25.

³ И. Н. Жданов. Пушкин, Лекции, 1890/91 г., Литогр. Руднева, СПб., (1891), 236 стр.; Обзорение литературной деятельности А. С. Пушкина, СПб., (1892), 116 стр.

⁴ Обзорение преподавания наук в С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1898/1899 г., СПб., 1898, стр. 25.

⁵ Казанский университет, Обзорение преподавания в 1895/96 уч. году, Казань, 1895, стр. 7.

⁶ Обзорение преподавания в Университете св. Владимира на 1898/99 уч. год с приложением расписания лекций по историко-филологическому факультету, Киев, 1898, стр. 5—6.

⁷ См. его статью «Об изучении пушкинского периода русской литературы» в «Пушкинском сборнике» Московского университета (М., 1900, стр. 3).

филологическом факультете.¹ В руководимом им «семинарии по новой русской литературе» значительное количество тем посвящалось Пушкину. Однако специальный «пушкинский семинарий» в нашем университете был организован только в 1908 г.²

В официальных «Обзрениях преподавания наук на историко-филологическом факультете Петербургского-Петроградского университета» пушкинский семинарий С. А. Венгерова значился как «Просеминарий: Пушкин и его время (Жизнь, творчество, история текста). 2 часа, по четвергам». Последнее подобное указание находится в «Обзрении преподавания наук на историко-филологическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1918 года и в весеннем полугодии 1919 года» (Пгр; 1918, стр. 12).

В научной литературе существует не мало сведений о Пушкинском семинарии С. А. Венгерова³ и оценок его деятельности.⁴

Вот как характеризует заслуги Венгерова в этой области чл.-корр. АН СССР проф. Н. К. Пиксанов: «Необходимо отметить одну крупную работу, проведенную Венгеровым в университете и принесшую обильные плоды — Пушкинский семинар. Через него прошли многие молодые пушкинисты и литературоведы, он имел свой печатный орган («Пушкинист», три выпуска, 1914, 1916 и 1918; четвертый уже посвящен памяти руководителя). Надо сказать, что многим молодым литературоведам Венгеров поручал статьи и в своем известном издании Пушкина и в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона».⁵ К сказанному Н. К. Пиксановым следует прибавить еще, что одним из важных начинаний Пушкинского семинария С. А. Венгерова было создание «словаря поэтического языка Пушкина», к сожалению, не доведенное до конца.⁶

Пионером оказался наш университет и в области постановки пушкинских тем для медальных сочинений студентов. Так, в юбилейном 1887 г. историко-филологический факультет объявил несколько «тем медальных сочинений», посвященных Пушкину,⁷ которые вызвали инте-

¹ Н. К. Пиксанов. Русское литературоведение в Петербургском-Ленинградском университете, Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 13.

² В «Автобиографии С. А. Венгерова» (П., 1920) ошибочно указано, что «в 1898 г. Венгеров основал в Петроградском университете для студентов-филологов Пушкинский семинарий» (стр. 7—8). Эта же ошибка повторена в статье Л. К. Ильинского «С. А. Венгеров» (Известия II Отделения Российской Академии Наук, 1923, т. XXVIII, стр. 109). Между тем, в другом месте приведены точные даты возникновения пушкинского семинария — январь 1908 г. (Пушкинист; Историко-литературный сборник, 1, СПб., 1914, стр. VII и 207).

³ «Пушкинист». Историко-литературный сборник под ред. проф. С. А. Венгерова, вып. I, СПб., 1914, стр. VII—XX, 207—239; вып. II, Пгр., 1916, стр. 287—292; Н. В. Яковлев. Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова, М.—П., 1923, стр. VIII—IX.

⁴ А. Г. Фомин. С. А. Венгеров как профессор и руководитель пушкинского семинария, Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова, М.—П., 1923, стр. XIII—XXXIII; Л. К. Ильинский. С. А. Венгеров, Известия II Отделения РАН, 1923, т. XXVIII, стр. 109—113; Н. К. Пиксанов. Русское литературоведение в Петербургском-Ленинградском университете. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 13—14.

⁵ Н. К. Пиксанов. Русское литературоведение в Петербургском-Ленинградском университете, Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ, Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 13—14.

⁶ Пушкинский семинарий при СПб. университете, под руководством С. А. Венгерова, вып. I. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина, СПб., 1911, 8 стр.

⁷ Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1887 г., СПб., 1887, стр. 160—161.

рес студенчества. Поэтому в следующем году в «Записке о наградах студентов С.-Петербургского университета медалями в 1888 г. и о вновь предложенных задачах для соискания наград медалями в 1889 г. сообщались уже результаты конкурса.¹

Темы, предложенные студентам в качестве «задач», были следующие: 1) «Изучить отношения к Пушкину как современной ему, так и позднейшей критики до самого времени открытия ему памятника в Москве»; 2) «А. С. Пушкин. Отношение его к предшественникам, народной России, народной поэзии и народной истории».

На первую тему было представлено два сочинения — Сергея Трубачева и неназванного автора, на вторую только одно — Степана Переселенкова. Работа Трубачева, позднее напечатанная и вызвавшая много критических отзывов,² была удостоена золотой медали,³ сочинение С. А. Переселенкова было награждено серебряной медалью.⁴

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фамилия второго студента, представившего медальное сочинение на первую тему, не названо. Между тем во всех аналогичных случаях имена ненагражденных авторов указываются. Повидимому, это был один из студентов — участников покушения на Александра III 1 марта 1887 г., во главе которого стоял А. И. Ульянов, брат В. И. Ленина; члены этой организации были, как известно, арестованы и вскоре повешены. Только этим можно объяснить отсутствие фамилии второго сочинения в официальном «Отчете».

Отметим, что С. С. Трубачев в дальнейшем мало принимал участия в научной жизни, и сведений о нем почти не сохранилось. Студент же, чье сочинение было награждено серебряной медалью, С. А. Переселенков (1869—1942) — позднее преподаватель литературы и архивист, литературовед, написавший несколько статей о Пушкине; в течение многих лет он работал в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Его «медальное сочинение» не было напечатано. В «Отчете» отмечалось, что сочинение Переселенкова не закончено. рассмотрение материала доведено было автором только до 1826 г. «Самая сильная сторона сочинения, — указывалось в «Отчете», — анализ отношений Пушкина к общественной жизни, к окружавшей поэта среде».⁵

К сожалению, в «Отчете» не указано, кем из преподавателей историко-филологического факультета давались отзывы о сочинениях С. С. Трубачева и С. А. Переселенкова; поэтому трудно сейчас, при отсутствии самой работы Переселенкова, судить, с каких позиций освещалось автором «отношение Пушкина к общественной жизни, к окружавшей поэта среде». Показательно все же общее направление данной работы студента. Следует отметить, что в то время в Петербургском университете определилось два направления в трактовке Пушкина —

¹ Отчет о состоянии С.-Петербургского университета за 1887 г., СПб., 1883, стр. 101—106.

² С. С. Трубачев. Пушкин в русской критике, 1820—1880, СПб., 1889, XI, 404 стр. Отзывы: а) Отчет о состоянии С.-Петербургского университета за 1887 г., СПб., 1888, стр. 101—104; б) К. Н. Бестужев-Рюмин. Журнал Министерства народного просвещения, 1889, № 5, отд. II, стр. 195—204; в) П. П. [П. Н. Полевой]. «Исторический вестник», 1889, № 3, стр. 756—758; г) «Наблюдатель», 1889, № 5, отд. II, стр. 24—26; д) «Педагогический сборник», 1889, № 9, стр. 188—192; е) «Русский вестник», 1889, № 4, стр. 290—293; ж) «Север», 1889, 5 марта, № 10, стр. 199; з) «Северный вестник», 1889, № 3, отд. II, стр. 87—90.

³ Отчет о состоянии С.-Петербургского университета за 1887 г., СПб., 1888, стр. 101.

⁴ Там же, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 105.

«официально-благонамеренное», возглавлявшееся проф. А. И. Незеленовым и «либеральное», представленное именами проф. О. Ф. Миллера и приват-доцента П. О. Морозова. Эти два направления проявились в том же году во время торжественных чествований Пушкина в университете, о чем будет сказано несколько ниже; отразились эти два направления и в формулировке тем для студенческих медальных сочинений и в оценке представленных работ.

Насколько удалось проследить по официальным отчетам о состоянии Петербургского университета за дальнейшие годы, лишь в 1899 г. вновь была предложена пушкинская тема в качестве «задачи медального сочинения». Звучала эта тема так: «Пушкин как литературный критик». На эту тему были представлены два сочинения — студентом Владимиром Гиппиусом¹ и студентом Анатолием Купаловым.

IV. Чествование памяти Пушкина в Петербургском университете в 1887 и 1899 г.

Первое более или менее широкое юбилейное чествование памяти Пушкина русским обществом, если не считать открытия памятника поэту в 1880 г., происходило в 1887 г. Однако оно не приобрело сколько-нибудь значительного характера. В обильных газетных и журнальных откликах на юбилей 1887 г. чувствуется, что царское правительство и монархически настроенные круги тогдашнего общества старались придать этому событию особый оттенок и что это в свою очередь определяло сдержанное отношение прогрессивной части общества к юбилею. «Чествование прошло более, чем скромно», вспоминал через несколько лет один из свидетелей пушкинского юбилея 1887 г.² и объяснял это стилизацией Пушкина «под монархиста», проводившейся реакционными кругами.

«Много было сказано тогда обидных похвал Пушкину за «благо-разумие», с которым он будто бы отрекся от юношеских «увлечений», — писал Ветринский. — Но в те дни звучали и еще более странные речи. Так, профессор Московского университета г. Иванцов-Платонов в речи своей счел нужным предостеречь слушателей, собравшихся на панихиду, «от поклонения кумирам, в которое русское общество превращает Пушкина все более и более».³

На фоне этих фактов следует воспринимать пушкинские дни в Петербургском университете в 1887 г.⁴

29 января 1887 г. в университете состоялся вечер, посвященный памяти Пушкина. С речью о поэте выступил проф. А. И. Незеленов, человек достаточно умеренных политических взглядов. В своем слове о Пушкине А. И. Незеленов шел по пути, указанному официальными инстанциями, министерством народного просвещения и реакционной монархической печатью, истолковывавшими деятельность поэта в духе обновленной уваровской триады, «самодержавия, православия и народ-

¹ «Памяти А. С. Пушкина», Сборник статей преподавателей и слушателей историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, СПб., 1900, стр. 227—328.

² Ч. Ветринский (Чешихин, В. Е.). Двенадцать лет назад. Пушкинские дни 1887 г. в Петербурге, Нижегородский листок, 1899, 31 января, № 30, стр. 2.

³ Там же, стр. 2—3.

⁴ «Новое время», 1887, 30 января, № 3923 (Хроника); «Новости» и «Биржевая газета», 1887, 30 января, № 29 (Панихиды и чтения); там же, 1887, 9 февраля, № 39 (68 годовщина С.-Петербургского университета); «С.-Петербургские ведомости», 1887, 30 января, № 30 (29 января в Университете).

ности». Именно эта тенденция речи Незеленова была отмечена в цитированной выше статье Ч. Ветринского: «В этом же тоне, — писал он, — произнес речь в Петербургском университете профессор Незеленов, в холодных вымученных фразах превозносивший «истинно русские чувства и взгляды» поэта, за что и был награжден жиденькими официальными апплодисментами».¹

В самом деле, «Речь о Пушкине» А. И. Незеленова представляет документ очень характерный. Начав свое выступление с признания того, что «как поэт-художник Пушкин не имеет себе соперников», что «изящнее, прекраснее его созданий нет ни у кого ни в одной литературе мира», Незеленов характеризует Пушкина только как «поэта красоты, художника по преимуществу».²

Не останавливаясь на вольнолюбивых, антимонархических произведениях Пушкина, Незеленов зато подробно говорит о том, что «религиозное чувство жило в нем с давних пор и все усиливалось с годами».³ Отметая жизнеутверждающие, оптимистические мотивы творчества Пушкина, Незеленов настойчиво выдвигает тезис о том, что «в душе его в последнюю эпоху его деятельности развивалось, отражаясь и в творчестве, чувство глубокой тоски».⁴

В таком духе выдержана вся эта «Речь о Пушкине». Несколько иной характер имела произнесенная на ежегодном университетском акте 8 февраля 1887 г. речь приват-доцента П. О. Морозова «Пушкин в русской критике»,⁵ целью которой было поставить изучение исторического значения Пушкина в рамки научного исследования. Эта небольшая речь выросла из подготовительной работы П. О. Морозова по изданию «Полного собрания сочинений» Пушкина, предпринятому им по поручению Литературного фонда; издание это, как известно, составило эпоху в пушкиноведении и долго сохраняло свое научное значение.⁶ В процессе подготовки этого издания Морозов изучил критические отзывы о Пушкине и итоги своих исследований изложил в актовой речи. Однако специфические условия торжественного заседания не позволили Морозову представить полностью собранные материалы, и он сделал это более обстоятельно в статье «Пушкин в русской литературе», помещенной в демократическом журнале «Дело».⁷

Если так официально-холодно прошел Пушкинский юбилей в университете, то с гораздо большей теплотой и политической остротой был он отпразднован в студенческом Научно-литературном обществе при Петербургском университете. Как известно, секретарем этого общества незадолго до этого времени был А. И. Ульянов, среди членов находилось несколько участников дела 1 марта 1887 г. Заседание, посвященное памяти Пушкина, было, повидимому, последним или, по крайней мере, одним из последних, на которых присутствовали товарищи А. И. Улья-

¹ «Нижегородский листок», 1899, 30 января, № 30, стр. 2.

² Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1887 года, СПб., 1887, стр. 123 (Речь о Пушкине, произнесенная А. И. Незеленовым в С.-Петербургском университете 29 января 1887 г.); «Речь о Пушкине» А. И. Незеленова была тогда же издана отдельно (СПб., 1887, 16 стр.), а затем вошла в его книгу «Шесть статей о Пушкине» (СПб., 1892, стр. 15—29).

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1887 г., СПб., 1887, стр. 111—121, и отдельно (СПб., 1887, 15 стр.).

⁶ О работе Морозова по изданию Пушкина см. Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1887 г., стр. 44.

⁷ «Дело», 1887, № 1, стр. 83—94; № 2, стр. 83—101. См. также «Отчет о состоянии С.-Петербургского университета за 1887 г., СПб., 1888, стр. 44.

нова.¹ Председательствовал на этом заседании и произнес речь проф. О. Ф. Миллер. По воспоминаниям Ч. Ветринского, речь Миллера произвела на слушателей сильное впечатление.² Речь О. Ф. Миллера была тогда же напечатана под заглавием «Не торжество, а поминки».³

Несмотря на то, что Миллер был либералом с народническим оттенком и питал славянофильские симпатии, речь его была проникнута отрицательным отношением к официальному направлению пушкинского юбилея 1887 г. Именно поэтому она и имела успех у студентов, присутствовавших на заседании. По воспоминаниям Ч. Ветринского, вслед за речью Миллера было прочтено одним из неназванных им студентов, — очевидно, из числа позднее казненных за участие в покушении на Александра III, — стихотворение Лермонтова «Смерть поэта».

Так прошло первое чествование памяти Пушкина в Петербургском университете.

В 1899 г. празднование столетия со дня рождения поэта было отмечено Петербургским университетом еще скромнее. Прежде всего следует указать, что специального торжественного заседания памяти Пушкина Петербургский университет в 1899 г. не устроил. Лишь на годовичном акте 8 февраля 1900 г. профессор Петербургского университета, акад. И. Н. Жданов выступил с речью «Пушкин о Петре Великом»,⁴ как бы исправляя ошибку, допущенную университетом в предыдущем году.

В 1900 же году Петербургский университет выпустил упоминавшуюся выше книгу, озаглавленную: «Памяти А. С. Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета» (СПб., 1900, 388 стр.). Здесь были помещены статьи профессоров Ф. Д. Батюшкова, С. К. Булича и И. Н. Жданова, студентов В. В. Гиппиуса, С. И. Поварнина, Н. Н. Трубицына и оставленного при университете Н. К. Козмина.

Этими убогими мероприятиями узко-академического порядка ограничилось участие Петербургского университета в юбилейных чествованиях Пушкина в 1899 г.

На совершенно иной принципиальной основе, гораздо шире и торжественнее прошли пушкинские празднества в нашем Университете в 1949 г.

Но «Пушкин в Ленинградском университете» — тема специального исследования, выходящая за рамки настоящей статьи.

¹ Сам А. И. Ульянов вышел из состава общества в конце 1886 г. См. статью Е. Г. Ольденбург. «Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете», Вестник Ленингр. унив., 1947, № 2, стр. 153.

² «Нижегородский листок», 1899, 30 января, № 30, стр. 3; ср. также его статью «Из недавнего прошлого С.-Петербургского университета» (Из воспоминаний бывшего студента ко дню 8 февраля), «Новое слово», 1895, № 2, стр. 158—159.

³ О. Ф. Миллер. Не торжество, а поминки. (Речь, произнесенная в заседании Научно-литературного общества) «Новости» и «Биржевая газета», 1887, 29 января, № 28, стр. 1.

⁴ Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1900 г., СПб., 1900., приложение, стр. 1—40.

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9